

УДК 303.1/ 316.62

К ТЕОРЕТИЧЕСКИМ ОСНОВАНИЯМ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИХ СТРАТЕГИЙ

В. Г. ПОГОСЯН¹⁾

¹⁾*Российский государственный социальный университет,
ул. Вильгельма Пика, 4, 129226, г. Москва, Россия*

Рассмотрены стратегии социальных исследований через призму собственных теоретико-философских оснований, в рамках которых происходит их парадигмальное оформление. Подтверждена корреляционная взаимосвязь вариативности получаемых результирующих данных от нормативного способа получения знаний о социальной реальности. Выявлено, что мировоззренческие конструкции привносят субъективизм в построение теоретических конструкций и задают пределы эвристических возможностей применяемых подходов, обуславливая определенную ангажированность тенденций линейного паттерна современного научного мейнстрима. Определено, что структурированность социального действия и поливариантность выбора вкупе с предопределяющими когнитивные и поведенческие стереотипы уникальными алгоритмами локальных обществ обращают социальные исследования к цивилизационному паттерну. Рекомендовано в целях объективизации научных исследований и получения валидных данных применение учитывающего локальную специфику методологического инструментария в сочетании с отказом от универсалистских подходов в решении исследовательских задач при изучении социального поведения.

Ключевые слова: вариант; цивилизация; взаимодействие; нелинейность; социальное поведение; социальное действие; структура; методологический подход.

TO THE THEORETICAL BASES OF RESEARCH STRATEGIES

V. G. POGOSYAN^a

^a*Russian State Social University,
4 Wilhelm Peak Street, Moscow 129226, Russia*

The strategies of social studies are considered through the prism of their own theoretical and philosophical foundations, within the framework of which their paradigm formation takes place. The correlation relationship between the variability of the resulting data from the normative method of obtaining knowledge about social reality has been confirmed. It is revealed that the worldview constructions bring subjectivism into the creation of theoretical constructs and set the limits of the heuristic possibilities of the applied approaches, causing a certain ideological bias of the linear pattern tendencies of the modern scientific mainstream. It was determined that the structure of social action and the polyvariety of the choice, coupled with the unique algorithms of local societies predetermining cognitive and behavioral stereotypes, draw social research to a civilization pattern. It is recommended with the purpose of objectification of scientific research and obtaining valid data to use methodological tools that take into account local specifics in combination with the rejection of universalistic approaches in solving research problems in the study of social behavior.

Keywords: variant; civilization; interaction; nonlinearity; social behavior; social action; structure; methodological approach.

Образец цитирования:

Погосян В. Г. К теоретическим основаниям исследовательских стратегий. *Журнал Белорусского государственного университета. Социология.* 2019;2:50–56.

For citation:

Pogosyan VG. To the theoretical bases of research strategies. *Journal of the Belarusian State University. Sociology.* 2019;2:50–56. Russian.

Автор:

Вардгес Григорьевич Погосян – доктор социологических наук, кандидат философских наук; профессор кафедры социологии факультета социологии.

Author:

Vardgues G. Pogosyan, doctor of science (sociology), PhD (philosophy); professor at the department of sociology, faculty of sociology.
pogosianvg@rgsu.net

Введение

Развитие техники и технологий – главный фактор, определяющий перемены в современной общественной жизни. Новый тип развития, основанный на ускорении изменения предметной среды, окружающей человека, обуславливает активное обновление его второй природы, в которой осуществляются основные жизненные процедуры, что приводит к ускорению трансформации общественных отношений. Асинхронность таких процессов, нелинейность их прохождения, трудности в прогнозировании и несхожесть результатов, казалось бы, идентичных процессов привлекают внимание исследователей к основам интерпретирующих теорий, используемых в анализе происходящего в целях их проверки и подтверждения эффективности применяемых методологических инструментов.

Обязательным условием развития науки является регулярная ревизия содержания объяснительных моделей для подтверждения достоверности накопленных знаний, оперативного осмысления и внедрения теоретических инноваций. Решение конкретных проблем зависит от основополагающих допущений, семантики понятий и логико-теоретических норм используемой методологии. Постулаты о поливариантности социально-исторического процесса и о существовании феномена цивилизации подтверждаются жизненной практикой (объективное существование различных форм социальных образований) и, казалось бы, утвердились в науке [1]. Тем не менее эти положения остаются предметом активных дискуссий о путях институциональной перестройки обществ, устойчиво функционирующих в течение значительной

темпоральной протяженности. Пересмотр принципов отображения действительности под влиянием новых фактов всегда предполагает обращение к философским основам объяснительных теорий и имплементируемых на их основе практик.

В попытке объяснить многомерную природу социального поведения, его вариативность в сходных обстоятельствах, разнообразие поведенческих стереотипов мы обратимся к рассмотрению социального действия в свете различных исследовательских подходов. Проблема связана с ростом интенсификации информационных потоков в современной социальной динамике и возрастающей ролью инновационного фактора. Это обстоятельство приводит к нарушению гомеостаза систем и актуализирует проблему адаптации общества к постоянным изменениям социальной реальности в сочетании с возможностями для управления механизмами социального развития. Необходимо разрешить противоречия между растущей потребностью модернизировать общества, существующие в состоянии системного кризиса, и отсутствием адекватной объяснительной теории определенной методологии, позволяющей выработать сценарии некатастрофического выхода из кризисной ситуации.

Приводимый ниже метатеоретический анализ направлен на установление степени соответствия концептуальных возможностей существующих теорий реалиям окружающего мира: имплементация реформистских программ, базирующихся на псевдонаучных основах, нарушает устойчивость социальных систем, порождая дезинтеграционные тенденции.

Методы исследования

Исследовательский интерес сосредоточен на выявлении эвристических возможностей таких теоретических конструкций, как линейный и цивилизационный паттерны: в частности, на определении способности последнего служить адекватным инструментом изучения социальных систем, интерпретации происходящих в их рамках социальных трансформаций нормативных и модальных поведенческих моделей, присущих конкретным обществам. Объектом исследования являются существующие в общественности и определяющие стратегии исследовательских практик философские основания как способы определения объекта изучения и основных направлений исследований. Парадигмальная состоятельность конкретной исследовательской стратегии рассматривается через призму отношения к проблеме социального поведения.

Ретроспективный пересказ с постоянным обращением к работам М. Вебера и Т. Парсонса [2; 3] не

входит в круг задач исследования. Однако во время применения методологических импликаций и изложения аналитического материала в части, касающейся теорий мейнстрима, будет предполагаться модель социального действия и нормативность, предложенные этими учеными. Исследование проводилось с использованием принципа социально-исторического детерминизма, выражающего универсальную взаимосвязь и взаимозависимость социальных явлений, и идеи коэволюционной природы социального порядка каждого конкретного общества, коррелирующей с традицией *Path Dependence*, с инкрементной природой социальных изменений и институциональной стабильностью обществ. В качестве основных применяются абстрактно-аналитические и сравнительные методы исследования. Используется логико-проблемный метод, связанный с обнаружением основных проблемных узлов и выявлением сущностных проти-

воречий ряда стратегий исследования феномена социального действия, и историко-философский метод, выявляющий основные парадигмальные подходы в эволюции осмысления человеческой субъективности, соответственно, и человеческой деятельности. В ходе компаративного анализа эвристических и описательных возможностей исследовательские методологии линейного паттер-

на соотнесены с сопряжением цивилизационного подхода (с точки зрения интерпретации гомеостаза системы, сохранения ее целостности, существования вариативных когнитивных и поведенческих стереотипов) и дискурса синергетики (относительно перехода в точках бифуркации, саморегуляции общества и аксиологически обоснованного выбора определенного типа социального действия).

Результаты и их обсуждение

Теоретическая основа предмета социологии наиболее четко выражена в принципе методологического индивидуализма, когда все социальные явления, и особенно функционирование всех социальных институтов, всегда следует понимать как вытекающие из решений, действий, установок людей [4, р. 98]. Это положение ориентирует на исследование множества свободных индивидов как движущей силы социально-исторического процесса и на рассмотрение общества как результата совместной деятельности людей, способных создавать необходимые условия для существования. Усложняющаяся структура взаимодействий потребовала включения в исследовательское поле социальной структуры (классы, слои и группы, связи между ними).

Изучение социальной дифференциации привело к необходимости привлечения адекватного метода – диалектики – для представления общества как социальной целостности (при сохранении других методов). Применение в диалектике монизма, согласно которому вместо индивида объектом исследования является общество, привело к оформлению социоцентризма. Представители монизма считают, что на каждом уровне социальной структуры может быть найден основной системообразующий фактор, который влияет на все остальные условия (т. е. части системы находятся в подчиненной зависимости). Более того, под этим фактором понимается уже не множество индивидуумов, а множество социальных объектов, выделяемых по отношению к средствам производства, господствующей религии или типу менталитета, биологическим особенностям индивидов: речь идет о нациях [5], культуре [6], цивилизации [7], этносах и субэтносах [8], классах [9], расах [10; 11] и т. д. В рамках работ этой парадигмы наибольшее значение приобрел бинарный субметод диалектики, который определил создание нового направления в исследованиях.

Упрощенная трактовка антагонистической оппозиции К. Маркса хорошо известна. А. Тойнби считает, что причиной смерти любой цивилизации является конфликт между творческим меньшинством и нетворческим большинством [7]. С. Хантингтон представляет будущее как столкновение западной (христианской) и восточной (мусульманской) цивилизаций [1]. Таким образом, разделение

общества на две отдельные и противоположные части привело к тому, что социально-исторический процесс часто упрощался до бинарного характера, а роль индивида не учитывалась. Такое понимание социальной структуры игнорирует действия и события, которые не соответствуют этому подходу.

Использование другого субметода диалектики – динамического – позволило рассматривать развитие человеческого общества как прошлое, эволюционирующее во времени [12]. Такой подход позволяет выявить накопившиеся проблемы, наметить перспективы их решения. Он определяется как целостное единство явлений и сущностей. Более того, изучение структуры социально-исторического процесса показывает, что целесообразно выделить три уровня: действие, комбинированное действие-событие, комплекс событий. Таким образом, происходит движение от абстрактного к конкретному. Вертикальные отношения на всех уровнях находят выражение в комплексе событий и дают основания говорить о невозможности стихийности и маргинальности социальных действий.

Социальное действие понимается как активная форма преобразования социальной среды, осознанное мотивированное действие. Изменения в структуре действий приводят к изменению событий, а затем и к изменению их структуры. Каждому социальному действию предшествуют социальные контакты. В отличие от них социальные действия представляют собой довольно сложное явление. Любое социальное действие должно включать в себя субъекта, необходимость усиления поведения, цель действия, метод действия, другого субъекта, на которого направлено действие, результат действия. Список элементов, составляющих отдельное социальное действие, будет неполным без учета внешней среды субъекта или самой ситуации, что обращает к исследованию в рамках конкретной ситуационной семантики. Любой действующий субъект не находится в изоляции, так как он окружен материальным миром и действует в определенной культуре и социальной сфере. Этот комплекс материальных, социальных и культурных обстоятельств создает ситуацию, которая выражает условия и средства действия. Условиями действия выступают элементы среды, которые субъект не может изменить, а средства – это эле-

менты, которые субъект контролирует. Актор осуществляет социальную деятельность, принимая во внимание сложившуюся ситуацию, поскольку социальные действия являются сознательными по определению. Ситуация отображена в социальном действии через ориентацию субъекта. В связи с этим различаются оценочная и мотивационная направленность субъекта: каждый субъект должен оценивать свое окружение и с помощью мотивации корректировать цели и методы улучшения социальных действий. Однако, когда один человек пытается сознательно воздействовать на другого, даже отсутствие социальной среды не освобождает обоих от необходимости учитывать культурные нормы их предыдущего социального опыта. Прошлое – неотъемлемая часть настоящего и будущего; оно проявляется и существует в них имплицитно. Индивид не столько мыслит сам, сколько актуализирует опыт прошлых поколений, цитирует свой социальный опыт мышления [13]. Специфика социокультурной среды задает алгоритмы и вектор процесса социокультурной динамики, определяет менталитет, жизненную позицию и стереотипы поведения, обеспечивает связь времен и преемственность поколений. Более того, эта специфика определяет различные формы заимствования и адаптации инноваций к локальным условиям, их сущностное содержание и дальнейшее использование в общественной практике [14].

Социальное действие – в отличие от рефлексивных, импульсивных действий – никогда не происходит мгновенно, так как в сознании субъекта деятельности должен быть достаточно сильный импульс для устойчивой деятельности. Такое побуждение к совершению действий есть мотивация – совокупность факторов, механизмов и процессов, обеспечивающих возникновение намерения к достижению целей субъекта. Иными словами, мотивация – это сила, которая подталкивает субъекта к выполнению определенных действий. Таким образом, механизм социального действия содержит в себе и мотивацию, и само действие.

В контексте нашего исследования приоритетным является тот факт, что любое социальное действие начинается с потребностей субъекта. Необходимость социальных изменений также может быть определена как потребность, которая связывает субъект и объект внешней социальной среды, усиливая четко определенные мотивы. Мотивы для каждого субъекта, а также его конкретные социальные установки придают уникальную индивидуальность социальным действиям. Механизм социальных действий осуществляется в рамках конкретного контакта, а он происходит не только в пространстве и во времени, но и с учетом ценностных отношений. Это, по нашему мнению, объясняет социокультурную уникальность различных обществ и противоположную глобализации

тенденцию – борьбу за сохранение уникальности национальных культур в условиях стандартизации образа жизни.

Во время выполнения социальных действий происходит социальное взаимодействие, означающее систему взаимозависимых социальных действий, связанных с циклической причинно-следственной зависимостью, в которой действия одного субъекта являются как причиной, так и следствием реакции других объектов. Это означает, что каждое социальное действие вызывается предшествующим социальным действием и одновременно является причиной последующих действий. Социальное действие выступает как результат сопряжения детерминированных и недетерминированных (случайных) факторов.

Таким образом, совокупные социальные действия в масштабах общества представляют собой звенья непрерывной цепи взаимодействий. Взаимодействие человека со сложными открытыми системами происходит таким образом, что само действие человека не является внешним – оно включается в систему, каждый раз изменяя свое поле возможных состояний. Вовлеченные во взаимодействие люди имеют дело не с неизменными предметами и свойствами, а с множеством возможностей. Каждый раз возникает проблема выбора определенного направления развития из множества возможных путей эволюции системы. Этот выбор довольно сложно рассчитать, и он необратим. Необратимость воплощенного осознанного выбора и необратимость социального прогресса являются одними из основных законов мирового социально-исторического процесса.

На протяжении всей истории человечества многократно наблюдались длительные периоды застоя и сложные зигзаги развития как в местном, так и в региональном масштабах. Из-за стихийных бедствий и социальных катастроф различные общества иногда оказываются далеко позади других в экономическом, политическом и культурном планах. Тем не менее при всей сложности, неравномерности движения в силу диалектических противоречий происходил устойчивый подъем человечества от низших форм социальной организации к высшим. Хотя в каждом случае исход столкновения противоборствующих сил заранее фатально не предрешен, победа прогрессивных сил, как правило, оказывается более устойчивой, а победа реакционных сил временна. Этот факт и придает необратимость социальному прогрессу. Следовательно, социально-исторический процесс можно представить как многоуровневую систему социальных действий, событий и их комбинаций, которая на конкретном этапе анализа статична, а изучение динамики такой системы в поступательном движении дает основание говорить о поливариантности процесса.

Следуя логике гипотез, предложенных А. Пуанкаре [15], социальные изменения могут идти линейными и нелинейными путями, поэтому социальные события, действия, институты и системы изучаются в многомерности и поливариантности их развития. Термин «вариант» означает модификацию, одну из возможных комбинаций, раскрывающую процесс на уровне явлений и имеющую статус реальности. Комбинацию можно наблюдать, обнаружить и осознать ее причинную обусловленность. Вариант – это объективно существующая тенденция общественного развития, которая коренится в материальных условиях общества, содержащих возможность определенных исторических действий. Историю самого человеческого общества можно рассматривать как возможность реализовать общественную жизнь, а значит – как альтернативу небытию человечества. Любое разнообразие обществ с этой точки зрения рассматривается как варианты данной альтернативы, реализованные посредством конкретных структурированных действий и событий.

Реальный и альтернативный варианты являются противоположностями по определению. Реальный вариант эмпирически наблюдаем и реален, альтернативный вариант считается потенциальной реальностью. Идея нелинейности и выбора в социальной деятельности включает вариативность свершившихся фактов в конкретно-исторических условиях, выбор альтернативного пути эволюции и необратимость [16]. Однако упрощенное понимание материализма и детерминированности общественного развития, по сути, не оставляет места для субъективного фактора. Абсолютизация принципа первичности общественного бытия, рассмотрение общественного сознания как вторичного и его экстраполяция и в принципах исторического материализма, и в идеологемах классической теории модернизации приводят к ослаблению роли творческого сознания, моральных принципов, интересов и духовных потребностей людей. Человек появляется как исчезающе малый элемент в ряде многочисленных абстрактных категорий, таких как класс, экономическая база, надстройка, общество постмодернизма, этнографический материал и т. д.

При таком антропоцентрическом подходе целенаправленная рациональность как эталонная категория теряет познавательную значимость [17]. Природа рациональности заключается не только в оптимальности, но и в том, что она плохо согласуется со смыслом человеческой жизни. Как нельзя ценности различных культур свести в «общечеловеческие ценности», так же разнятся и понимание добра и зла и истолкование наиболее рационального варианта действия в конкретных обстоятельствах. Общим смыслом жизни для всех людей является их удовлетворенность собственным существованием,

которое они называют счастьем. Удовлетворенность жизнью не зависит от содержания деятельности и даже от ее социальной оценки. Такое удовлетворение игнорирует фактор рациональности и является пределом человеческой деятельности. Человеческий выбор особенно актуален во времена масштабных социальных преобразований, что необходимо учитывать при изучении социальных и исторических процессов. Онтологически выработанный и исторически отформатированный уникальный социокультурный компонент становится доминирующим в принятии решений в точках бифуркации [18].

Либеральная парадигма демонстрирует свою эффективность только в рамках современной западной цивилизации, но она недействительна в азиатских и африканских странах. Например, в дикой природе самоорганизация группы хищников происходит в виде основанной на физической силе строго вертикальной иерархии, отражая сущность представителей этой группы. Суть и социальная организация творчески ориентированных на создание пчел или муравьев совершенно иная. Точно так же различные типы личностей предопределили самоорганизацию разных типов постсоветских обществ в 1990-х гг. В условиях активно поддерживаемого извне неизбежного, в сущности, искажения культурно-исторических реалий в периоды бифуркации (с функциональными нарушениями имманентных социальных институтов собственной системы) постсоветские общества приняли как ожидаемо линейные, так и патологические формы: страны Прибалтики – парламентские демократии с несамостоятельной, дотируемой извне экономической, Центральная Азия и Закавказье – средневековые ханства и феоды, Украина – криминальная олигархия, Россия – клептократический кумовской (*crony*) капитализм.

Попытки игнорировать факт социокультурных особенностей приводят к тотальной нормативности и номинализму, отрицанию очевидной множественности перцептуальных миров и способов мышления. Ошибочным представляется отрицание факта влияния культуры на социальное поведение [19]. Различные типы цивилизаций создают определенные типы личности, а также ценностные ориентации, мировоззрения и образ жизни [20; 21]. Разные типы культур формируют свои особенные когнитивные и поведенческие стереотипы, уникальные алгоритмы решения любой социальной проблемы. Исследование социального действия не может ограничиваться лишь постижением микроуровней социума в рамках номиналистской социологии, но, представляя как универсальный факт осуществления социального во всех поливариантных формах, обращает к изучению конкретики локальных обществ со специфическими алгоритмами осуществления социальной деятельности.

Заключение

Проблемность современного социального знания диктует необходимость воспринимать его не как сумму универсальных истин, подходящих на все случаи жизни, а как творческий поиск ответов на философские вопросы и вопросы личного существования. Этот подход может быть реализован путем применения принципа гуманизма, преодоления психологии зависимости от положений линейного мейнстрима, усвоения современного стиля мышления, который вытекает из признания естественной поливариантности социальных структур и множественности культур народов мира, приоритета ценности человека.

В практике реформ, целенаправленных трансформаций «несущих» структур современных переходных обществ в русле глобалистского мировоззрения игнорируются компромиссная комплементарность возможностей диалектической пары «коммунитарность – субсидиарность», имманентные свойства саморазвития и саморегулирования социальных систем, специфика и особенности ментальных программ и моделей индивидуально и коллективного поведения.

Необходимо отказаться от унифицирующих и обобщающих теорий вообще и в частности – от попыток глобального насаждения универсального социального поведения на основе объяснительных возможностей американской психологической школы в социологии (символический интеракционизм, теории социального обмена и т. д.), изначально предназначенных для анализа и описания психотипных, когнитивных и поведенческих стереотипов представителей одного определенного цивилизационного типа, но неэффективных для интерпретации поведения и социального выбора представителей других культур из разных регио-

нов планеты. Рациональность действия (инструментальная, функциональная и т. д.) в прочтении существующего мейнстрима не приобретает (даже насаждаемая путем применения социальных технологий) тотального характера в реальности, будучи ограниченной собственной цивилизационной спецификой (она отражает рациональность, присущую одному конкретному культурно-историческому типу). Рациональная среда является дисперсной, и дискуссионность даже главного приоритета списка «общечеловеческих ценностей» объективна: проблема жизни и смерти имеет нетождественное прочтение в разных культурах. Типологическое разделение целеполагающего и ценностно ориентированного действия с абсолютизацией и унификацией рациональности (как единственно возможного эталонного варианта) представляется неверным, поскольку рациональность основана на смысловых установках и ценностных ориентациях, доминирующих в том или ином конкретном обществе, и может быть нетождественной бытующим рациональностям иных социальных систем.

Таким образом, анализ различных стратегий исследования социального поведения, факт структурированности социального действия, взаимосвязь между социальными изменениями и принципами солидарности и доверия различных типов обществ, специфическое разнообразие изучаемых объектов обращают в разрешении проблемы вариативности социального поведения к сравнительному изучению отдельных локальных цивилизаций и их динамики, а также к отказу в управленческой практике от универсалистских решений социальных проблем и утверждению дифференциации в планировании сценариев развития для разных обществ.

Библиографические ссылки

1. Huntington S. *The Clash of Civilizations: and the Remaking of World Order*. New York: Simon & Schuster; 1996. 367 p.
2. Weber M. *Economy and Society: an Outline of Interpretive Sociology*. Roth G, Wittlich C, editors ; Fischhoff E, Gerth H, Henderson AM, Kolerar F, Mills CR, Parsons T, et al., translators. Berkeley: University of California Press; 1978. 1469 p.
3. Parsons T. *The Structure of Social Action: a Study in Social Theory with Special Reference to a Group of Recent European Writers*. New York: The Free Press; 1968. 470 p. Co-published by the Collier Macmillan Publishers.
4. Popper K. *The Open Society and its Enemies. Volume 2. Hegel, Marx, and the Aftermath Revised Edition*. 2nd ed. Princeton: Princeton University Press; 1971. 376 p.
5. Vico G. *The First New Science*. Pompa L, editor. Cambridge: Cambridge University Press; 2002. 368 p.
6. Spengler O. *The Decline of the West*. Wezner H, Helps A, editors; Atkinson CF, translator. New York: Random house; 1962. 414 p.
7. Toynbee A. *A Study of History*. Somervell DC, editor. Oxford: Oxford University Press; 1987. 640 p.
8. Гумилев ЛН. *Конец и вновь начало: популярные лекции по народоведению*. Гончарова ЕМ, составитель. Москва: Айрис-пресс; 2015. 384 с.
9. Marx K. *Capital*. McLellan D, editor. Oxford: Oxford University Press; 2008. 409 p.
10. Le Bon G. *The Psychology of Peoples: Perspectives in Social Inquiry*. Stecher GE, editor. New York: Arno Press; 1974. 236 p.
11. Gobineau A. *The Inequality of Human Races*. Torrance. Collins A, translator. California: Noontide Press; 1983. 184 p.
12. Marx K. *The Eighteenth Brumaire of Louis Bonaparte*. Rockville, Maryland: Serenity Publishers; 2008. 112 p.
13. Moscovici S. *The Age of the Crowd: a Historical Treatise on Mass Psychology*. Whitehouse JC, translator. New York: Cambridge University Press; 1985. 408 p.

14. Погосян ВГ. Модернизация в дискурсе исторической социологии. *Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология*. 2009;4:81–96.
15. Poincare H. *Science and method*. Maitland F, translator. New York: Cosimo Classics; 2010. 292 p.
16. Harrison L, Huntington S. *Culture Matters: How Values Shape Human Progress*. New York: Basic Books; 2000. 348 p.
17. Pogosyan V. Philosophies of social behavior research: meta-analytic review. *Wisdom*. 2018;11(2):85–92. DOI: 10.24234/wisdom.v1i2.212.
18. Погосян ВГ. Самоорганизация социальных систем: основные методологические подходы. *Социальная политика и социология*. 2018;17(1):77–84.
19. Triandis H. Culture and Social Behavior. In: Lonner WJ, Malpass RS, editors. *Psychology and Culture*. Needham Heights, Massachusetts: Allyn & Bacon; 1994. p. 169–173.
20. Chen SX, Lam BCP, Wu WCH, Ng JCK, Buchtel EE, Guan Y, Deng H. Do people's world views matter? The why and how. *Journal of Personality and Social Psychology*. 2016;110(5):743–765. DOI: 10.1037/pspp0000061.
21. Chen SX, Ng JCK, Buchtel EE, Guan Y, Deng H, Bond MH. The added value of world views over self-views: predicting modest behavior in Eastern and Western cultures. *British Journal of Social Psychology*. 2017;56(4):723–749. DOI: 10.1111/bjso.12196.

References

1. Huntington S. *The Clash of Civilizations: and the Remaking of World Order*. New York: Simon & Schuster; 1996. 367 p.
2. Weber M. *Economy and Society: an Outline of Interpretive Sociology*. Roth G, Wittlich C, editors. Fischhoff E, Gerth H, Henderson AM, Kogler F, Mills CR, Parsons T, et al., translators. Berkeley: University of California Press; 1978. 1469 p.
3. Parsons T. *The Structure of Social Action: a Study in Social Theory with Special Reference to a Group of Recent European Writers*. New York: The Free Press; 1968. 470 p. Co-published by the Collier Macmillan Publishers.
4. Popper K. *The Open Society and its Enemies. Volume 2. Hegel, Marx, and the Aftermath Revised Edition. 2th ed*. Princeton: Princeton University Press; 1971. 376 p.
5. Vico G. *The First New Science*. Pompa L, editor. Cambridge: Cambridge University Press; 2002. 368 p.
6. Spengler O. *The Decline of the West*. Wezner H, Helps A, editors; Atkinson CF, translator. New York: Random House; 1962. 414 p.
7. Toynbee A. *A Study of History*. Somervell DC, editor. Oxford: Oxford University Press; 1987. 640 p.
8. Gumilyov LN. *Konetz i vnov natchalo: populiarniye lekciï po narodovedeniyu* [End and beginning again: popular lectures on folk studies]. Goncharova EM, compiler. Moscow: Airis-press; 2015. 382 p. Russian.
9. Marx K. *Capital*. McLellan D, editor. Oxford: Oxford University Press; 2008. 409 p.
10. Le Bon G. *The Psychology of Peoples: Perspectives in Social Inquiry*. Stecher GE, editor. New York: Arno Press; 1974. 236 p.
11. Gobineau A. *The Inequality of Human Races*. Torrance. Collins A, translator. California: Noontide Press; 1983. 184 p.
12. Marx K. *The Eighteenth Brumaire of Louis Bonaparte*. Rockville, Maryland: Serenity Publishers; 2008. 112 p.
13. Moscovici S. *The Age of the Crowd: a Historical Treatise on Mass Psychology*. Whitehouse JC, translator. New York: Cambridge University Press; 1985. 408 p.
14. Pogosyan VG. [Modernization in the discourse of historical sociology]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 18. Sotsiologiya i politologiya*. 2009;4:81–96. Russian.
15. Poincare H. *Science and method*. Maitland F, translator. New York: Cosimo Classics; 2010. 292 p.
16. Harrison L, Huntington S. *Culture Matters: How Values Shape Human Progress*. New York: Basic Books; 2000. 348 p.
17. Pogosyan V. Philosophies of social behavior research: meta-analytic review. *Wisdom*. 2018;11(2):85–92. DOI: 10.24234/wisdom.v1i2.212.
18. Pogosyan VG. Self-organization of the social system: basic methodological approaches. *Sotsial'naya politika i sotsiologiya*. 2018;17(1):77–84. Russian.
19. Triandis H. Culture and Social Behavior. In: Lonner WJ, Malpass RS, editors. *Psychology and Culture*. Needham Heights, Massachusetts: Allyn & Bacon; 1994. p. 169–173.
20. Chen SX, Lam BCP, Wu WCH, Ng JCK, Buchtel EE, Guan Y, Deng H. Do people's world views matter? The why and how. *Journal of Personality and Social Psychology*. 2016;110(5):743–765. DOI: 10.1037/pspp0000061.
21. Chen SX, Ng JCK, Buchtel EE, Guan Y, Deng H, Bond MH. The added value of world views over self-views: Predicting modest behavior in Eastern and Western cultures. *British Journal of Social Psychology*. 2017;56(4):723–749. DOI: 10.1111/bjso.12196.

Статья поступила в редколлегию 28.02.2019.
Received by editorial board 28.02.2019.